

Сказания о Титанах

Автор:

Яков Голосовкер

Сказания о Титанах

Яков Эммануилович Голосовкер

Школьная библиотека (Детская литература)

Я. Э. Голосовкер – писатель, ученый, философ. По уцелевшим осколкам мифологического наследия древних греков он восстановил и выразил в литературно-художественной форме утраченные сказания, отражающие самое раннее детство творческой мысли эллинов. Сказания о титанах являются как бы вступлением ко всему эпосу древнеэллинского мира с его героической мифологией.

Для старшего школьного возраста.

Яков Эммануилович Голосовкер

Сказания о титанах

© Шмидт С. О., 1955

© Шмидт С. О., предисловие, 2008

© Оформление серии. ОАО «Издательство „Детская литература“», 2008

Якоб Голосовкер

Такая подпись обычна в рукописях и дарственных надписях писателя и философа Якова Эммануиловича Голосовкера. Голосовкер родился 23 августа (5 сентября по н. ст.) 1890 года в Киеве, в семье хирурга. Скончался в Москве 20 июля 1967 года. Его могильный памятник на кладбище подмосковного Переделкина – напротив захоронения Бориса Пастернака.

Голосовкер получил высшее образование в Киевском университете. Начал печататься в 1913 году. После событий 1917 года переехал в Москву. Сначала был организатором школьного образования, а затем до конца 1920-х годов читал в вузах лекции по истории древнегреческой литературы, античной эстетике и философии. Голосовкер мыслил себя «классиком» в самом широком понимании этой ученой специальности, то есть знатоком не только древнегреческого и латинского языков, но и литературы, философии, культуры Античности в целом и античной проблематики в мировой культуре последующих эпох, а также переводчиком и комментатором древних текстов, сочинителем литературно-художественных произведений на темы Античности.

И после Октябрьского переворота Голосовкеру оставался дорог мир идей, в основе которых были представления, сложившиеся прежде. Ему приходилось зарабатывать на жизнь в основном трудом переводчика. Он первым перевел произведения немецкого классика конца XVIII века Ф. Гёльдерлина и великое творение Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», точно передав и образ мысли, и стилистические особенности оригинала.

В 1936 году Голосовкера арестовали. Три года он провел на каторге в Воркуте. Право московской прописки ему вернули лишь в 1943-м. В эти годы он познал и трагедию гибели от стихии огня своих произведений. Художник, которому Голосовкер доверил накануне ареста рукописи, умирая, сжег их. Во время войны сгорела наша дача (Я. Г. был братом моей матери. – С. Ш.), где хранились другие рукописи.

И Голосовкер занялся мучительным восстановлением утраченного. В какой-то мере было восстановлено прозаическое произведение, действие которого происходит в Москве конца 1920-х годов. Оно напечатано под названием «Сожженный роман» в журнале «Дружба народов», № 7 за 1991 год и переведено на иностранные языки. В 1963 году была издана книга «Достоевский

и Кант. Размышления читателя над романом „Братья Карамазовы“ и трактатом Канта „Критика чистого разума“», вызвавшая немалый интерес и в нашей стране, и за рубежом. В журнале «Русская литература», № 4 за 1991 год напечатано эссе «Секрет автора. „Штосе“ М. Ю. Лермонтова». Посмертно – однако не полностью – издан и главный философский труд Голосовкера – «Имагинативный абсолют»: сочинение о механизме и значении творческого воображения. Философ полагал, что воображение – это высший разум и что непонятное уму познают воображением. С выходом в 1987 году книги «Логика мифа», а затем и ряда фрагментов философских трудов Голосовкера, подготовленных к печати Н. В. Брагинской, его имя вошло в число оригинальных мыслителей XX столетия.

В 1998 году в издательстве «Водолей» (Томск) вышла книга «Засекреченный секрет. Философская проза», в нее включены избранные сочинения Я. Э. Голосовкера. Ныне в издательстве Санкт-Петербургского университета в серии «Письмена времени» выходит книга Я. Э. Голосовкера «Избранное. Логика мифа». В ней полностью публикуется «Имагинативный абсолют».

Я. Э. Голосовкер более всего был известен трудами в сфере культуры Античности. Изданы книги его переводов: «Гораций. Избранные оды», «Поэты-лирики Древней Эллады и Рима». В издательстве «Детская литература» вышли написанные ритмической прозой «Сказания о титанах» (1955, 1957, 1994), отдельно – «Сказание о кентавре Хироне» (1961). В них в литературно-художественной форме, опираясь на знания, накопленные наукой, философ предпринял попытку восстановить утраченные древнеэллинистические мифы. Ученые высоко оценили и научное значение труда. В 2001 году опубликована антология переводов произведений поэтов Древней Греции и Древнего Рима, охватывающая почти полтора тысячелетия античной культуры и одновременно представляющая искусство русского перевода за 200 лет. В 2004–2006 годах в издательстве «Водолей» вышла составленная Я. Э. Голосовкером «Антология античной лирики в русских переводах» в трех томах (Т. 1, 2 – «Лирика Эллады»; Т. 3 – «Лирика Рима»).

Смыслом жизни писателя и философа Голосовкера была его творческая работа. Ей были отданы все силы. Более всего он дорожил своей свободой, независимостью духа. К сожалению, его сочинения большей частью оставались не напечатанными при жизни.

Незаурядный человек был наделен и незаурядной внешностью. Об этом образно написал знаменитый востоковед и историк культуры академик Н. И. Конрад, много способствовавший изданию трудов Я. Э. Голосовкера: «Все мы – писатели, ученые – в меру образованны, в меру талантливы, но обыкновенны. Он же – ученый, писатель – необыкновенен. Как и его внешний облик: голова Маркса с глазами Тагора».

С. О. Шмидт

От автора

Древнеэллинические сказания о мире титанов, титанических народов и великанов как цельные, законченные фабулы не дошли до нас ни в форме поэтических произведений, ни в прозаическом изложении. Однако у множества древних авторов – поэтов и ученых – на протяжении полутора тысячелетней разработки мифологических сюжетов об античном мире сохранилось немало отрывочных упоминаний и намеков, связанных с этими сказаниями, исчезнувшими еще в эпоху расцвета Эллады.

Издавна занимали меня сюжетные связи этих уцелевших осколков мифологического наследия древних эллинов о мире титанов и приемы построения античных мифов, но только годы спустя созрел замысел восстановить и выразить в литературно-художественной форме утраченные сказания, отражающие самое раннее детство творческой мысли эллинов.

Наивные, грандиозные и даже, при всей своей чудовищности, трогательные образы их титанического мира, залитого отсветом мечты о золотом веке человечества, не могут не пленять воображение не только юного, но и более зрелого поколения.

Сказания о титанах служат как бы вступлением ко всему эпическому наследию древнеэллинского мира с его героической мифологией. Самые великие мысли человечества, возникшие в воображении поэта при первых лучах познания природы и взаимоотношения людей, самые потрясающие душу чувства были запечатлены в этих сказаниях с такой необычайной мощью и образностью, на которую способно только воображение в эпоху самой ранней поэзии, когда

воображением познают и когда оно в образах мифа предвосхищает идеи и открытия грядущей науки.

Из этого круга сказаний о титанах Эсхил извлек свой образ Прометея – зевсорборца.

Воссоздавая древние мифы, автор не стремился реставрировать стиль и форму исчезнувших эпических сказаний. Автором руководило желание передать сам дух и образы мифотворческой античной поэзии с наибольшей пластичностью и внушить читателям любовь к этим огромным, титаническим людям с их стихийными чувствами и первыми большими, столь человеческими печальями среди радостного олимпийского мира.

Иногда от этих сказаний веет сказочными трагедиями, как от большинства мифов, но их трагизм не удручает читателя, а пленяет и радует, подобно трагизму грозовой тучи, разрешающемуся дождем и радостным вздохом природы и людей. Самое темное в этом сказочном титаническом мире должно быть проникнуто полным светом жизни, самое уродливое должно восхищать своей возвышенностью.

Сказочнику-реставратору вряд ли остается другой путь для возрождения давно утраченных старинных поведаний.

Фабула сказаний о титанах развивается главным образом на фоне борьбы старшего поколения богов, бессмертных титанов Уранидов, с младшим поколением богов – Кронидами. Предание объединило события их длительной борьбы в сказание о великой битве между богами и титанами – в Титаномах?ию. Она включалась в древние стихотворные космогонии и теогонии – в эпические произведения о происхождении мира-космоса и богов. От нее сохранился только перечень имен титанов с краткими и глухими упоминаниями о судьбе некоторых из них после победы богов Кронидов.

Отдельные намеки на эпизоды борьбы богов и титанов мы находим в различных мифах, связанных с полубогами-героями, – например, с Персеем, Гераклом и другими.

Центральной фигурой, вокруг которой объединены титаны, является Крон.

Центральной фигурой круга Кронидов является сын Крона – молниевержец Зевс. Но в «Сказаниях о титанах», составляющих эту книгу, их взаимная борьба уже позади. Крон низвергнут в тартар. Над всем и всеми – владычество Зевса. Однако Зевс здесь еще не Гомеров олимпиец, отец богов и людей. Его одухотворение начнется позднее. Пока он только грозен и страшен и всех превосходит мощью, ибо в его руке перун-молниемет.

Наступило господство Олимпийского пантеона. Перед нами открываются грозные страницы предания об участии побежденных титанов. В далекой мгле предания среди смутной для нас массы титанов выступают могучие образы и звучат безобразные величественные имена. Они боги в борьбе с богами. О них помнят, но дела их забыты. Их бессмертие становится столь же смутным, как смутны сами массы титанов. В их именах еще скрытно бушуют стихии. У иных из них страшные облики – необъемные, неизъяснимые. В них моря, пучины, бури и вихри, грозовые тучи, светила. В их ряды ворвались ужасающие хтонические (подземные) существа, все чудовищное недр земли, пропастей и дебрей.

И сами титаны, бывшие боги, превращаются нередко в сказочных людоедов-драконов, полузверей-полуптиц-полузмей, порой с девичьими головами невиданной красоты и свирепости.

И тут же, рядом с титанами, возникают новые исполины, дети Земли – змееногие человекообразные существа: гиганты.

Титаническое и гигантское переплетается, хотя гиганты смертны, а титаны бессмертны. Они вовлекают в свой круг создания, рожденные Ночью и Хаосом, – мрачные образы подземных демонов наряду с иносказательными фигурами космоса, – и весь этот чудовищный, кошмарный мир фантазии и умозрения прикрывается наименованием: дети Земли, титаны. И мы уже не знаем, что в этом фантастическом мире – стихийное, звериное и что – благое, человеческое, где перед нами действительно титаны.

Длительное поэтическое существование их смутных образов и имен, исчезновение древнейших сказаний о титанах как о богах и возникновение новых поэтических сказаний, связанных уже с господством Олимпийского пантеона, спутало и сместило ранние и более поздние образы титанов и смысл всего титанического мира, изменившегося до неузнаваемости.

Былые эпические образы благих титанов исчезли: они замещены в мифах Гомерова эпоса образами уродливыми и ужасающими, сохранившими порой только их прежние имена. Древние эллины периода господства Олимпийского пантеона перестали узнавать в этих чудовищах – Медузе, Ехидне, Скилле, Ладоне – былых прекрасных титанов или потомство титанов, до того позабыли в Элладе о древнем мире благих титанов – богов, подобных Прометею, и об их печальной судьбе.

Даже поэты-трагики V в. до н. э. часто не отличали титанов от гигантов.

Титаны перестали быть бессмертными. Хотя строгие очертания богов Олимпа, запечатленные поэзией и ваянием, возвращают впоследствии иным из титанов утраченный ими прекрасный человеческий облик, столь же божественный, как и образ самих богов Олимпа, но лишенный определенного характера, титанизма, – однако древний мифологический эпос все-таки шел своим путем – от титанов-богов к титанам-чудовищам.

Мир под властью олимпийцев надо было очистить от чудовищ. И тогда боги порождают смертных героев – полубогов, чтобы уничтожить эти исчадия Земли, этих великанов-чудовищ, остатки бывшего титанического мира.

И только теперь, в сказаниях, мы восстанавливаем из осколков преданий былое титаническое существование Уранидов, воссоздавая их первоначальный прекрасный, человеческий, Прометеев образ в отблеске представлений о золотом веке на земле, и возвращаем им право на благородное наименование титаны.

Сказания о титанах

Предварение

Когда Гея-Земля и Уран-Небо познали друг друга, Гея родила сперва Сторуких – исполинов чудовищной силы, но лишенных гармонии. Как у Вихрей и водных Пучин, было у каждого из них по сто во все стороны стремительно вращающихся рук и по пятьдесят голов. Устрашенный их образом и мощью, Уран вверг их обратно в недра матери-Земли, в ее многоплодное чрево. Они осели в глубинах морей и бездн тартара.

Вслед за Сторукими родила Гея-Земля новых исполинов – киклопов-одноглазов, солнечных и громовых. Высоко в небе сверкал их круглый огненный глаз посреди покатога лба, свой подземный огонь превращая в небесное сияние. Их руки опускались молотами, оглушая землю и небо, и тогда колебались вершины гор и земля сотрясалась. Но и киклопов вверг Уран обратно в недра матери-Земли, устрашенный их мощью.

Тогда горы, груди Земли, выкормили новое племя – великанов. Тяжкой каменной поступью зашагали по земле Людогоры-великаны, головами касаясь облаков. Но порой не могли они поднять тяжкую ступню и, оставаясь на месте, окаменевали.

Гея-Земля страдала от нескончаемых родовых мук и от жестокости Урана, ввергавшего рожденных от него детей обратно в материнскую утробу, потому что знал Уран-Небо от в?ещей Геи-Земли, что будет свергнут одним из своих сыновей.

Наконец родила Гея счастливое племя – титанов. По имени их отца, Урана, предание именует перворожденных титанов Уранидами.

Титаны, дети Земли, были бессмертны. Одни из них носились бурями и грозами по воздуху или веяли ласковыми ветрами. Другие радовали землю и небо сиянием своих солнечных, лунных и звездных лучей, которые исходили из их огненной крови. Третьи, водяные титаны, владели морями, озерами, реками и ключами. В лесах жили лесные титаны, в горах – горные, по лугам – луговые.

Неистово-стихийно проявлялись изначально их чувства и воля. Их образ был человекоподобен и прекрасен, исполнен той дикой гармонии, какую поражает наш взор далекий горный пейзаж или волнующееся море.

И были среди них мужи-титаны и жены-титаниды. Они ведали всем, чем богата земля.

Никто не знает их первоначального числа. Предание об этом умалчивает. Но оно сохранило имена самых могучих из перворожденных титанов, которых стали именовать вождями, когда у титанов появились враги – боги Кронида и когда между титанами Уранидами и богами Кронидами вспыхнула борьба за власть над миром.

Всех древнее титан Океан и титанида Тефида, жена Океана. Они жили в Мировой реке-океане, опоясывающей Землю, и остались ее владыками даже тогда, когда мир попал в руки богов.

О прочих перворожденных титанах наши сведения смутны и скудны: о Кое и о Крии, о солнечном Гиперионе и о вольнолюбивом Япете. Были среди них и титаниды: всё помнящая Мнемосина, сама справедливость Фемида, вся земная Рея, вся небесная Тейя и яркая Феба.

Всех человекоподобнее был вольнолюбивый титан Япет, но и всех мятежнее и непримиримее в борьбе. Такими были и его три сына, Япетида: сверхмогучий Менэтий, Прометей-Промыслитель, знающий тайны Мойр-Судеб и думы матери-Земли, и Атлант.

Из всех перворожденных титанов самым младшим был Крон, любимец Геи-Земли.

Стало множиться племя титанов. В Мировой реке-океане от титана Океана и Тефиды родились бессмертные красавицы – океаниды. Сколько валов видит глаз в дали океана, столько было и океанид. И любили их титаны и боги. В морях от правдолюбивого титана Нерея родились морские девы nereиды – все сереброногие. Сколько их было, не счесть: сто не сто, десять не десять, а как засеребрятся на море, досчитаешь до полета и рукой махнешь: море... Одни из них любили морскую тишь, другие – легкую зыбь, третьи – буйную пляску волн, а иные – ураганную удаль.

Солнечный Гиперион породил от небесной Тейи Гелия-Солнце, и Селену-Луну, и Эос-Зарю. А титан горный Крий породил звездного Астрея. И уже от Астрея Эос-Заря родила звездных титанов.

Все росло и росло племя титанов, радуясь жизни, не зная смерти и страдания. Как темные грозовые тучи сменяются перистыми облаками, а облака – лазоревым покоем, так сменялись порывы ярости и бурные игры титанов безмятежным течением чувств, сродным шелесту лесной листвы или плавному потоку речных волн.

Так размножились титаны, что уже появились на земле титанические благие народы – островные, лесные, горные, степные, порою диковинные по образу, одаренные от природы мудростью, вольные и правдолюбивые: блаженные феаки и кентавры, древолюди-лапифы и дриопы, амазонки, нимфы на конях, и другие народы титановой крови.

Не стерпела мать-Земля мук рождения и тяжести ввергнутых Ураном обратно в ее чрево рожденных ею исполинов; создала она тогда в недрах своих адамант – металл пожелезнее железа и потверже алмаза, сделала из него серп и взмолилась к своим сыновьям – перворожденным титанам, чтобы освободили ее от свирепой власти Урана.

И внял ее мольбе титан Крон. Принял он от Геи волшебный адамантовый серп и, подкравшись к Урану, лишил его ударом серпа деторождающей силы.

Радостно вздохнула Гея. Вышли снова на свет из ее материнского чрева Сторукие и киклопы. Главой мира и титанов стал Крон.

Но и новый владыка мира утратился мощи Сторуких и киклопов. И когда сковали киклопы адамантовые цепи, наложил он эти цепи на самих киклопов и на Сторуких и снова сверг их в тартар.

Говорит предание, будто тогда, в царствование Крона, наступил на земле золотой век – век блаженства детей Земли.

Женой Крона была перворожденная титанида – Рея.

Стала Рея рождать детей от Крона. Но, опасаясь участи Урана – утраты власти, ревниво следил Крон за рождением детей и, как только рождался юный бог, сын или дочь, тотчас поглощал новорожденного.

Но все в мире изменилось, когда Рея родила третьего, самого младшего из сыновей, Зевса, и тайно выпестовала его, обманув Крона.

Говорит предание устами поклонников Олимпа.

Как крив был серп, так криводушен был Крон. Кривыми путями пришел он к власти. Но Зевс был властительноумен. И когда вырос в тайном убежище и стал могуч, решил он овладеть миром и покорить титанов Уранидов. Но сперва дал он Крону волшебное зелье, и Крон вырыгнул проглоченных им детей – богов Кронидов: братьев Зевса – Посейдона и Аида – и его сестер.

По совету Геи – она всем мать и советчица – первыми вывел Зевс из тартара киклопов, подземных ковачей, и благодарные киклопы выковали Зевсу громовой перун-молниемет, Посейдону – трезубец, холодную молнию, и Аиду – шапку-невидимку.

Стали сильны боги. И возгорелась Титаномахия – великая борьба богов и титанов Уранидов с Кронидами.

Титаны Ураниды боролись за свою титанову вольность и свою титанову правду, Крониды – за власть над миром.

Долго длилась эта борьба, и не одолел бы Зевс с Кронидами титанов, если бы не вывел Зевс из тартара Сторуких.

Близ древней Фтии, в горной Фессалии, где протекает бурный Сперхей, меж Офридским хребтом и Олимпом разыгралась мировая битва. Титаны стали на отрогах Офриды, Крониды – на многовершинном Олимпе.

Бесхитрость погубила титанов. Они поплатились за свою простоту чувств, прямолинейную честность и гордость, за веру в прямую силу. Они пренебрегали лукавством ума: лукавство претило их гордости. Они пренебрегали силой мысли, овладевшей оружием. Коварство было непонятно их правде. Здесь в мифе эллинов дано первое столкновение меж сердцем и умом, меж знанием и наивностью.

Исход битвы решили Сторукие и молнии киклопов. Взвились тьмы рук-вихрей. С такой быстротой устремились, будто само бегущее время помогало Кронидам. Полетели в титанов тучи исполинских глыб и жгучие молнии. В глубины тартара были свергнуты самые могучие из перворожденных титанов-вождей, и рассказывает предание, будто дальновидный новый властитель мира поставил над ними стражами Сторуких, чтобы избавить богов от опасной мощи своих союзников-исполинов.

Над миром воцарились Олимпийцы.

Но не завершилась борьба великой битвой. Еще долгие века всё новых и новых не покорившихся Крониду одиноких грозных титанов низвергали в тартар молнии Зевса и солнечные стрелы его сына – Солнцебога Аполлона. А других отверженных титанов, утративших бессмертие, истребили полубоги-герои.

Об их участии повествуют сказания этой книги.

Сказания о титане Атланте

Часть I

Сказание о титане Атланте и о счастливой Аркадии

В те далекие времена, когда мудрость еще не была седой, а была юной, как раннее утро, жил могучей жизнью в счастливой Аркадии[1 - Пояснения мифологических названий и имен даны в «Мифологическом словаре» в конце книги.] титан-исполин, брат Прометея – Атлант. Было ему тысяча лет или еще и еще тысяча, о том не знали ни боги, ни люди. Годы и века скользили по нему, словно мимо него, а он оставался в расцвете сил, бессмертный, как каменная

гора.

Опаленный молниями, пребывавал во мраке тартара низвергнутый туда его отец, титан Япет. И, как все сыновья Япета, знал Атлант больше, чем другие титаны, и больше, чем того желали победители Кронида, боги Олимпа.

Но не любят боги тех, кто хочет быть мудрее богов.

Высоки Аркадские горы. Каменной грядой опоясали они счастливую Аркадию, отделив ее от угрюмо-бурных морей и печальных долин. И всех выше поднималась среди Аркадских гор Чудо-гора. И впрямь, не гора, а чудо!

На той Чудо-горе и жили титан-исполин Атлант и его семь дочерей-титанид, по имени их матери, красавицы Плейоны, прозванных плеядами – звездными девушками.

Да и чем плеяды не звездные девушки! Разве есть еще где-нибудь на земле такие сияющие девушки-титаниды, как на Чудо-горе, под небом счастливой Аркадии! И пусть будут у них дети полубоги или боги, на небе или на земле – они все те же плеяды, звездные девушки.

Был счастлив титан Атлант, так счастлив, что, бывало, говорили меж собой пастухи далеко за хребтом Тайгета:

– Есть на Чудо-горе невиданный сад, недоступный для смертных. Перед входом в сад стоит великан, счастливый Атлант, и на поднятых руках держит небо.

А когда в полдень чудно сверкали каменные горы, говорили меж собой пастухи:

– Плейону встречает счастливый Атлант у небесной дороги.

А когда наступал вечер и зажигались первые звезды, говорили меж собой пастухи:

– К счастливому Атланту, выйдя из моря, прошла через горы сияющая Айфра.

Такое прозвище дали Плейоне пастухи.

Семь дочерей у Атланта, семь плеяд: шесть веселых, а седьмая, Меропа, невеселая. Веселых любили бессмертные боги Олимпа, а невеселая, Меропа, полюбила титана Сизифа.

О, и сметлив же Сизиф! И смел умом. Не то что с богами – с самой Мойрой-Судьбой мог бы поспорить. Сам хотел быть ковачом своей судьбы. И за смелый ум полюбил Сизифа мудрый Атлант. Но Сизифа не любили боги и таили коварные замыслы. И, как оно часто бывает при борьбе с коварным врагом, научился и Сизиф коварству: стал лукавейшим из лукавых. Потому много небылиц, как птицы на ягоды, налетело на жизнь Сизифа и поклевало правду о нем.

Говорила одна птица-небылица, будто был смертен Сизиф и будто до того стыдилась Меропа своей любви к смертному, что, бывало, чуть станут играть сестры-плеяды в мерцание звездных огоньков, перебегая по исполинским елям, уходила Меропа из хоровода сестер, садилась одна над глубоким ущельем Киллены и окутывала лицо, словно шалью, туманом.

Знал Сизиф о стыде Меропы, видел, как тускнеет она от смущения, что он смертен, и задумал Сизиф перехитрить Смерть. И когда повстречался со Смертью, обманул ее хитрец, умудрившись прожить две жизни. Вот каков был Сизиф! Уравнял себя с бессмертными богами.

Долго смеялся Атлант в счастливой Аркадии над хитростью Сизифа. Еще дольше смеялись боги Олимпа и, смеясь, даровали Сизифу бессмертие, да только не в жизни живой, а в жизни мертвой[2 - Мифология эллинов не признает полного уничтожения, небытия. Мир разделялся на мир живой жизни и мир мертвой жизни. Отделяла один мир от другого Мировая река-океан. Чтобы достигнуть мира мертвой жизни, надо было переплыть или перелететь океан. Обычно в мире живой жизни обитают боги, титаны, принятые в пантеон олимпийцев, и смертные. Мир мертвой жизни соединен с преисподней и царством Ночи. В нем обитают тени умерших, божества айда, демоны преисподней и дети Ночи: эринии, сны, керы-беды и другие.] – в тартаре: вечную казнь бесцельным трудом. По отвесному скату катил он в гору огромный камень – не камень, а солнце, не в гору, а в небо, но у самой вершины той горы до неба камень-солнце срывался и летел стремглав к подножию горы. И вновь катил его Сизиф в гору, будто солнце на купол неба.

И осталась смутной плеяда Меропа, навсегда устыдившись мира.

Так рассказывали века спустя о любви Меропы и Сизифа. Но бессмертен был титан Сизиф. Потому-то и вечною казнью казнили его боги в тартаре.

Был счастлив Атлант и так огромно-могуч, что, бывало, поднимал он руки к небу, мыл их в облаках, пуская облачные барашки, словно мыльную пену, и говорил, смеясь:

– Руки мои, руки, руки титана, так бы вами я все небо поднял над моей Чудо-горой и Аркадией!..

Слышали слова Атланта другие титаны и радовались. Но слышали их и боги Кронида. И лучше всех услышала их богиня Гера с ее бурным титановым сердцем – сердцем Уранидов.

Самовластна богиня. Не боролась Гера с титанами. Не участвовала в великих битвах Уранидов с Кронидами. На дне Мировой реки, у праотца Океана, укрывалась в дни свержения титанов. И хотя была из рода Кронидов, враждовала с Зевсом и ревнивым глазом властительницы смотрела на его благосклонность к плеядам.

Зачем хочет Кронид иметь от них сыновей? Что таит от нее? Неужели задумал сделать Геру безвластной? Так пусть же безвластным станет он сам!

Знала Гера о том, что были у Атланта еще пять других дочерей – гиады. Прозывали их Плачущими. Не жили гиады на Чудо-горе – уходили в страны дождей и туманов, чтобы вместе с дождями оплакивать юношу гиада. Растерзало юношу чудовище. Так ли, не так ли, но исходили по нему сестры-гиады от печали слезами.

– Ох и доплачетесь вы! – бурчали им старые тучи.

Потому и говорила Гера коварно богам:

– Что за дочери у Атланта? Одни – смеющиеся: плеяды, а другие – плачущие: гиады. Смеющихся утешают боги: от них богам утеха. Но никто из богов не

утешит плачущих. Или так оно у бессмертных? Вот у смертных иначе: там смеху ни к чему утешение – утешают только печалющихся. Попробуйте-ка и вы, боги, утешать печалющихся.

Говорила и сама усмехалась в душе, скосив глаз на Кронида.

А Кронид уже на Кил лене, в Аркадии, любитесь веселой игрой плеяд, любитесь Майей, Электрой, Тайгетой... Что-то слишком долго любитесь Зевс веселыми титанидами с Чудо-горы.

Да проведал ли об этом Атлант?

Знает Гера: отважен и непреклонен Атлант – не примирился он с Зевсом. Прометей-Промыслителя, сына Япета, приковал Зевс к скале Кавказа.

Потому-то и ушел Атлант из-под власти миродержателя на свою Чудо-гору.

Как солнце, всевидящим мог бы быть Атлант. Но не захотел он все видеть. Закрыв глаза на мир Кронидов и только видел свою Чудо-гору, да юных титанов, да своих веселых плеяд-титанид.

Все видеть мог бы Атлант, но предвидеть, как Прометей, не мог.

Говорила Плейона Атланту:

– Опасно не видеть мира.

И умел же Атлант ответить Плейоне:

– Моя Чудо-гора и есть мой мир. Не хочу я иного мира. Нет конца чуду жизни. Здесь, на Чудо-горе, открыты мне все чудеса. Все здесь узнает Атлант.

Но не знал Атлант, что замыслил Кронид приманить плеяд в небо, поближе к жилищам богов, похитить их из счастливой Аркадии. А что замыслит всевластный бог, то он и выполнит.

Уже гремит на Олимпе грозное слово Кронида. А по правую руку Кронида богиня Дика-Правда сидит.

– Что задумал Атлант-кознодей, Япетово семя! Всезнающим быть захотел: мне – соперником? Захотел глубину моря жизни познать и грядущее видеть? Криводушен Атлант, весь в замыслах темных. Не Атлант ли поднял титанов на Диониса, бога-ребенка? Растерзали бога-ребенка титаны. Не Атлант ли держит звездных плеяд в плену на своей темнице-горе? Не Атлант ли нарушил заветы богов – рассказал титану Асопу, кто похитил его дочь, речную нимфу Эгину? Что задумал теперь горный отшельник! На Кронида руки поднять? Будут бедра в плечах у него! Будут руки в бедрах его! Станет он Горой-Человеком. Придет герой, окаменит тебя – и будешь ты, Гора-Человек, камнем-горой!

Но не знал прямодушно-мудрый Атлант о своих винах перед миром на своей Чудо-горе. Не знал, что жизнь прожить на Чудо-горе – уже вина перед богами.

Гремит грозное слово Кронида. А по правую руку Кронида богиня Дика-Правда сидит.

Услышала Гера грозное слово, унеслась с Олимпа, кличет зовом титановым Атланта. Опустилась к нему на дремучей горе вепрей – Эриманфе. Сказала:

– Береги плеяд, Атлант! – И ударила об землю рукой – так ударила, что гул от удара докатился до самого тартара, где под стражей Сторуких томилась в оковах низверженные титаны Ураниды. Поклялась Уранидами Гера, что слова ее непреложны; их призвала в свидетели.

Еще не было такого случая, чтобы Кронида клялись подземными Уранидами.

Ничего больше не открыла Гера Атланту. Не могут боги открывать тайны других богов. Но не внял Атлант голосу Геры.

Что ему, Атланту, оберегать плеяд! От кого? Как сказать вольным титанидам: «Не уходите за Чудо-гору»? Да и удержишь ли звездных девушек! Уйдут, убегут... Не хочет Атлант темных тревог: не залетают керы-беда на Чудо-гору. На то она и Чудо-гора. Не покинет Атлант своей Чудо-горы для темных тревог.

И все же закружились Беды-тревоги вокруг Чудо-горы. Омрачилось счастье Атланта. Припомнил титан: как-то с высокого места окликнул он титана коринфской горы Эпопа, где живут солнечные титаны гелиады, и видит: влечет Зевс-Похититель кого-то к морю. Ударило молотом в сердце титана. Прянул он с Чудо-горы на Эпопу и узнал в добыче Кронида речную нимфу Асопиду Эгину. Тут забрел к нему на Чудо-гору престарелый водяной Асоп спросить Атланта: не видал ли он где Эгину? Не пошел титан против титановой правды, открыл Атлант Асопу, кто похитил речную нимфу.

Не забудет ему Кронид, похититель Эгины, этой правды.

Был у Геры, некогда аргосской владычицы, верный страж, тысячеглазый Аргус Панопт, из рода титанов.

Как узнала Гера, что плеяда Майя родила на Киллене Зевсу Гермия-бога и что ночью похитит Зевс плеяд-титанид, послала тотчас к Атланту на Чудо-гору тысячеглазого Аргуса. Любому титану доступна Чудо-гора. Не открыла Гера Аргусу всей своей думы. Только сказала:

– Возмути, Аргус, сердце Атланта. Замани его глазами на небо.

Знала Гера: чуть взойдет Атлант на Олимп и увидят друг друга титан и Кронид – вспыхнет тотчас нежданная битва. Одолеет Зевса титан – быть тогда Гере владычицей мира. Не возьмет верх – ну что ж! – полюбуется богиня битвой.

Объявился тысячеглазый Аргус на Чудо-горе. Там, на Чудо-горе, Аргус как дома. Взглянул на Атланта тысячами глаз – так взглянул, будто все звездное небо заглянуло в душу Атланта и замерцало в ней чудно. А глаза всё глядят да глядят на титана, входят в него лучами, завораживают, манят... И такую тоску по звездам заронили в Атланте и такую отвагу, что рванулось сердце титана – взбежать на небо, сорвать с него цветы-звезды и усеять ими Чудо-гору, и руки, и грудь, и ноги...

Не для одних же богов цветы-звезды небесные!

И забыл Атлант, что звезды тоже боги. И забыл Атлант, что на Чудо-горе в звезды играют плеяды и что все звездное небо сверкает над Чудо-горою. Заворожил Аргус Атланта. А раз что захотелось титану, так уж ничем не удержишь – добудет титан звезды с неба.

Но не даст ему Кронид унести небесные звезды на Чудо-гору. Оставит их Кронид миру богов. Задумался титан...

И шепнул тут Атланту Аргус:

– Береги плеяд. Похитит их в эту ночь Всевластный Похититель.

Тогда поднял Атлант руки к небу, кликнул клич, созывая юных титанов, – пусть кинутся с ним на Олимп.

К Мировой реке-океану, в мир мертвой жизни ушли древние могучие титаны. Туда их изгнали Крониды. Не осталось их в жизни живой. Но в счастливой Аркадии и вокруг – на горах Тайгет и Эпопа – еще жили их дети: не драконы, не звери-чудовища, а созданыя, как боги, прекрасные и сильные титановой правдой[3 - Отличительными чертами характера титанов, согласно мифологическому преданию, были правдивость и прямота (см. произведения Гесиода, Эсхила и др. др. – гр. авторов). Титаны нравственно стойки, верны данному слову, непреклонны в борьбе. Их правда нерушима. Она им прирождена. Она их братский и боевой клич, который противопоставлен в сказаниях боевому кличу Кронидов. По этому кличу титан-оборотень узнает другого титана и обязан ему открыться. Морально возвысив титанов, миф объединил ретроспективно титанов с мифологическим золотым веком, то есть с раем на земле, поставив царем золотого века вождем титанов, сына Урана (Неба), титана Крона, а царицей его жену, Рею. Титаны необычайно могучи, сверхсильны и верят бесхитростно только в эту свою прямую силу, которая тоже входит в их правду. Им чуждо коварство. Однако титанова правда одновременно с этим – люта я правда. Титаны – существа стихийные, безудержные, неистовые. Их страсти люты. Они люто любят, люто борются – до конца – и в этой борьбе до конца страдают. Таковы Атлант, Идас, Медуза, Ехидна. Позднее, когда титаны были превращены в чудовищ, их люта я правда была превращена в злую правду, в злобу, и сами образы титанов и их поступки были очернены: они стали внушать ужас и отвращение. Только образ зевсорборца – титана Прометея благодаря Эсхилу остался в памяти эллинов и потомков титаническим в положительном смысле. Он служил выражением самых свободолюбивых и высоких требований

мятежного человеческого духа. Прометей дерзнул похитить огонь с неба и не уступил деспотизму законов мира, невзирая на сверхчеловеческие страдания.].

Вышли на клич Атланта титаны гор, и титаны рек, и титаны лесов один за другим. И стало их трое, и стало их пятеро, и стало их десятеро.

Десять титанов! Чего только не свершат в мире десять титанов! Устремились юноши титаны вслед за Атлантом на Олимп, чтобы с Олимпа взбежать на небо.

Но уже ждал их взгремевший Кронид с Перуном в руке. И на самых вершинах Олимпа, где богиня облаков Нефела пасла стада облачных коров, встретились бог и титан.

Один на один вышли в бой Атлант и Зевс. А другие юноши титаны столкнулись с другими богами у стремнин и отрогов Олимпа.

Рванулись руки Атланта к Крониду, хотят обхватить его мощь, с громами, с огнями-резубцами, с грозовой главой, с эгидой-страшилищем, как тучи, косматой. Обхватят его титановы руки – не выпустят, зажмут, как стены ущелья зажимают Вихрь-Ураган. Тогда бесись не бесись, завывай, рви, разворачивай глыбы, раскалывай скалы огнями-копьями, взрывай воздух – не вырваться: задохнется в ущелье Вихрь-Ураган.

Метнул Зевс молнии из огнемета-перуна. Ловит Атлант их тройные жала руками. Что ему молнии! Мало ли плясуний-зарниц ловил титан в юности веселыми руками, играя ими, как играют бликами дети. Но не зарницы злые молнии Зевса – жгут они и пронзают, опалили ладони и пальцы титана.

Молнию за молнией мечет Зевс. Позади Зевса Пегас, крылатый конь-молниевик. Сбросит конь-молниевик груз молний и летит на крыльях-вихрях к Лемносу, в подземную кузницу киклопов, за новым запасом раскаленных жал. Куют кузнецы-киклопы молнии Зевсу.

Молнию за молнией, злые резубцы, мечет в противника Зевс. Уже от плеча до запястья в сквозных ранах руки Атланта, будто не руки они, а соты на полнеба, ограбленные огненными осами.

Уже пронзают те осы плечи и грудь титана. Впиваются в бедра, в бессмертные мышцы черными язвами. И у каждой мышцы свой голос, живой. Стонет, кричит мышца от боли, просит у титана пощады: «Мне больно, Атлант!»

Но не сдастся, не отступит титан, весь в огне и дыму. Ухватить хочет Зевса руками. Да руки ли это?..

Обуглилось тело Атланта. Уже не покорны жилы отваге титана, и одно только упрямое сердце ведет битву – сердце, крепкое правдой, как адамант.

Ослепленный сверканием перуна, оглушенный громами, ухватился Атлант со стоном за одну из вершин Олимпа. Отломить ее силится и всей тяжестью бросить в бога.

Много их, вершин, на Олимпе! Еще не кончилась битва.

Где же вы, братья-титаны? Где вы, юноши исполины?

И видит Атлант, как один за другим летят они с воплем вниз головой, корчась, в бездны, с неба на землю, титан за титаном – все десять... И золотые стрелы-лучи Аполлона дрожат в их пронзенных телах.

Обхватив левой рукой вершину Олимпа, повис Атлант над почвой земли[4 - Мы пользуемся выражением «почва земли», означающим именно «почва», так как «Земля» для эллинов – это божество: мать-Земля, Гея.]. А внизу свирепо рычит, обезумев, весь в пене, Сперхей, вздымая волну за волной на помощь титану.

Но высок Олимп.

Сечет, хлещет Зевс Атланта молниями.

И тут всей яростной мощью титана рванул Атлант скалу. Обломилась вершина Олимпа, уступая мышцам исполина.

Скользит, свергаясь, огромное тело Атланта под бичами-огнями Кронида. Все быстрее падение. И свергаются вслед за титаном с гулом и грохотом камни-громады, стволы-великаны и чудовища-змеи. А над ними в дымно-багровых

клубах туч, нещадно хлеща и бичуя, – сам Кронид-грозовик.

И боги за ним любопытной толпой, так жестоко ликуя...

Не помнил обожженный Атлант, как ударились его пяты о почву земли. Только сжал он дымящимися локтями поникшую голову, прикрываясь от молний-бичей и гонимый разъяренным врагом; в синем блеске небесных стрел куда-то бежал слепыми прыжками, бежал впервые за свою титанову жизнь.

Что под ним? Горы? Ущелья? Реки? Пустыни? О том не знают ноги Атланта – бегут: скачут и падают, встанут – и вновь бегут...

Уже самым огнеметом-перуном бичует Атланта Кронид, и гонит, и гонит... Куда? По путям? Без путей?..

Где твое счастье, Атлант?

Истлевали травы, чернели пески и камни под тяжело-огромной опаленной стопой титана. Обугливалась листва и кора деревьев. И, мгновенно испаряясь, иссякала в ключах вода под жарким вихрем безумного бега Атланта.

Сорвалась богиня облаков Нефела с Олимпа. Хочет влажно-прохладным облаком окутать Атланта, охладить жар его горячей головы. Но отбросил свирепо Зевс облако, разорвал, как шкуру овечью, разметал клочья по воздуху. И бледным призраком укрылась Нефела от гнева Кронида за спиной Геры в черных тучах.

Так до самого края земли гнал Атланта к океану победитель Кронид. И гром? а повторяли раскатами голос Кронида:

– Горе, горе тебе, Гора-Человек! Будут ноги в плечах у тебя! Будут руки в бедрах твоих!

Высоки берега Мировой реки-океана. Как огромные зубцы гребня-великана, поднимаются они отвесно, уступами, над темными водами. Между зубцами гребня, извиваясь глубокими прорывами, тянутся к океану голые ущелья, но у самых вод стелются устья ущелий пурпуром песков.

Ночь. Стихла битва. Зияя черными ранами, лежало иссеченное огромное тело Атланта у вод океана, на высоком гребне, все в рубцах, словно кто письмена-исполинами испещрил его по обугленной коже. Одна рука титана свисала недвижно над пурпуром песков, другая тонула во мгле ущелья.

Что за пир вокруг тела титана? Кто вы, гости ночные? Не птицы, не звери, не нетопыри. Без крыльев реют и вьются – легче воздуха, духа жизни... Это Тени-скиталицы непогребенных, те, что блуждают над почвой земли. Закрыты для них врата айда.

Жадной стаей приникли Тени к телу титана. Как псы, лижут раны Атланта, выпивают по капле жизнь – его бессмертную кровь, отгоняя друг друга. И над ними, ныряя, взлетая, с воем кружатся в полудреме стаи отверженных Теней: отогнали их счастливые Тени. И сколько их! Борются, бьются за кровь. Только б каплю испить...[5 - По верованиям древних эллинов, тени умерших теряют память и живут призрачной жизнью. Но, испив крови, они на мгновение оживают, и память к ним возвращается.] И вот оживут – на мгновение. О, как дорого это мгновение! Столько в нем!.. Не века – мириады веков.

– Дай припасть! Дай мне выпить... Еще каплю... одну... Дай ожить...

Но жестоко отгоняют молящих новые толпы Теней, отрывая их рот от ран Атланта. Кружатся, реют Тени – кружатся, реют и молят:

– О, еще бы мгновение!..

И поют, засыпая, Тени прощальную песнь – песнь Хроносу-Времени:

О, кто знает, как мерится Время?

В нем часы – не часы.

Вы спросите звезду. Она скажет:

Век? – Он краток, как миг.

Миг? – Он долог, как век.

Только там, где кончается Время,

Поднимается Чудо-гора.

Дольше долгого сна титана

Для Теней мгновение жизни,

Если нет во сне Сновидений

Близ реки Мировой, океана,

Где багряный берег заката.

Ночь закрывала ворота. Из-за гор океана бледно тянулся сумрак. Кончен пир. Улетели испуганные Тени.

Видел рассвет, видел Пирфорос-Утренник на крылатом алом коне, предвестник Эос-Зари, как все еще дымилось почерневшее тело титана и зияли на нем по-прежнему раны меж багровыми бороздами от молний-бичей.

Вздохнул океан.

И вышли из вод океана на берег сестры-океаниды. Волосами отерли тело титана – золотыми, зелеными. Обласкали раны губами. И запели Гимн исцеления.

Знали титаниды океана: нет лекарства целительнее, чем песня. И под песню заживали раны Атланта. Повелели волшебницы вод:

– Встань, Атлант!

Но недвижимым оставалось бессмертное тело титана... И вздохнули печально сестры-океаниды:

– Мы бессильны! Пусть Атланта пробудит отец Океан.

И вот вынырнул по пояс из черных вод праотец богов, древний титан Океан. Подплыл к берегу. Словно мхи водяные в игре перламутра, словно агатов-сапфиров сияние, так диковинно-чудно мерцала сила отца потоков и рек.

Положил титан Океан руки на тело Атланта. Повелел:

– Встань, Атлант!

Но безгласно, мертвой громадой оставалось лежать бессмертное тело титана.

Удивился отец Океан. Уже давно тому, годы-века, как ушел он на дно Мировой реки от живой жизни земли и от горя земного. И покинула Океана власть над силой живой. Не повинуется ему, древнему, жизнь тела.

– Я бессилен! – вздохнул Океан. – Не поднять мне гору горя титана. Пусть сильнейший или тот, кто древнее меня, Океана, поднимет Атланта.

Погрузился седой Океан в глубину вод мировых.

И пришел не сильнейший, а мальчик. И задорно же крикнул мальчик:

– Пойте, пойте, сестры-океаниды, колыбельную песню титану Атланту! Новорожденный встанет. Пойте, пойте, океаниды! Я люблю колыбельные песни.

Подбежал мальчик к телу Атланта. Говорит:

– Я – сын Майи-плеяды, Гермий, твой внук. Дед богов, что лежишь и молчишь? Я пришел поиграть с тобой в небо и землю. Удержал бы ты небо на руках?

Открыл глаза Атлант, посмотрел на мальчика-бога. И снова закрыл их.

А хитрец Гермий твердит свое:

– Говорила мне мать, Майя-плеяда, будто нет на земле у прабабушки Геи никого, кто был бы так могуч, как Атлант. Если правда, что ты так могуч, подними-ка небо руками, оторви его от земли!

Открыл глаза Атлант, посмотрел на мальчика-бога. И снова закрыл их.

Не знал Атлант, что Кронид-бичеватель дальновиден: речью ребенка искушает его титанову силу. Не знал Атлант, что пред ним дитя-искуситель.

Лежал тогда край неба у края земли на каменных хребтах берега и скатом падал в Красные моря. Омывали небоскат морские волны, и тот, кто выплывал в открытое море, видел всегда впереди, как моют небоскат волны моря. И хочет доплыть до него, до этого небесного ската, – плывет, плывет, но не может: все впереди тот небесный скат.

А хитрец Гермий все твердит свое:

– Разве есть кто сильнее тебя? Сам Кронид не поднял бы неба. Подними, я помогу тебе, дед! Или титаны Япетиды не сильнее Кронидов?

В третий раз открыл глаза Атлант, посмотрел на мальчика-бога. И снова закрыл их. А хитрец Гермий все твердит свое:

– Встань, Атлант! Подними небо на плечи титановой силой, встряхни его крепко. Пусть попляшут на нем боги Крониды, пусть попрыгают с неба на землю. А мы будем смеяться и бить в ладоши. Ох, какие же у тебя большие ладони! Хлопнешь ими – и загремят они громче громов Крониды. Потряси небо, дед! Давай играть вместе в небо и землю: ты да я. Встань, Атлант!

И услышал Атлант это «встань!». Охватила Атланта радость. Поднял он свое тело с земли, шагнул через гребень и вырос над берегом горою перед мальчиком-богом. И вот уже взялся он руками за край неба – и приподнял.

Тяжко небо. Ушли ноги титана под тяжестью неба глубоко в почву земли – так глубоко, как уходит подошва горы. Упер он изогнутые ладони в край свода, стиснул его пальцами, поднимает небо все выше. Уже до поясницы поднял небо Атлант, а мальчик-бог ему задорно кричит:

– Выше, дед, выше! Поиграем в землю и небо!

Еще выше поднял Атлант небо, до самой груди донес. А мальчик-бог не понимает:

– Еще, еще выше! Подними выше головы, чтобы видел Кронид нашу мощь титанов.

И выше головы поднял небо Атлант. Вдавился в ладони и пальцы хрустальный край. Ниже склонил титан голову и опустил небо на плечи... И вот хотел было он подбросить небо всей титановой мощью вверх, чтобы грохнуть им оземь, но не отнять ему рук от края небосвода. Будто припаялись к небу руки ладонями, будто вросли в него. Не разогнуть, не оторвать. Стали руки словно каменные. И сам Атлант словно окаменел. Хочет приподнять склоненную голову, хочет развернуть плечи – и не может титан.

Тут забил мальчик-бог, искуситель, в ладоши:

– Что же ты не потрясешь небо, Атлант? Что не сбросишь его с плеч обратно на землю? Вот стоишь ты теперь предо мною Горой-Человеком. А Кронида не прыгают с неба на землю. Быть может, только смеются.

И засмеялся Гермий-обманщик:

– Кто же теперь сильнее: ты – титан или я – бог из рода Кронидов? Ты, прикованный руками к небу, или я, житель неба и вестник богов-победителей?

И вторично засмеялся Гермий-обманщик:

– Вот и поиграли мы с тобою в землю и небо! Стой же, Атлант-небодержатель, небесным столпом заката! Перекликайся с титаном, прикованным на другом краю земли, – со столпом восхода, с Прометеем! Перекликайтесь, Япетиды! А боги сядут за пир. Не услышат ни боги, ни люди вашего голоса из-за граней земли.

Ничего не ответил обманутый титан, только выдохнул разом воздух из грудных мехов, как из горна. Дунул – и нет Гермия: унесло Гермия-бога, словно пушинку.

С той поры стал Гермий пустым и легким, вечным прислужником богов и водителем Теней – таким пустым и легким, будто продул его Атлант насквозь и выдул из него и огонь титанов, и Уранову небесную гордость. Все хитрил, изворачивался, ловчился Гермий и из всех кривых путей знал наикривой – такой, до которого и Кривда не додумалась.

Час, век или века и века стоял Атлант столпом неба на крайней грани земли в пределах Атлантовых, – кто знает? Но вот однажды вздохнул:

– Где же ты, моя Чудо-гора? Как-то, помню, говорил я тебе: «Пока ты стоишь в счастливой Аркадии, до тех пор ни громы, ни молнии не низвергнут Атланта в тартар. И нет для него ни оков, ни цепей, ни молотов. Бессилен Кронид перед Чудо-горой». Теперь небо в руках Атланта. Еще придет мой титанов час. Еще стоит моя Чудо-гора в счастливой Аркадии. И нет такой другой Чудо-горы на свете.

Но совершилось невиданное дело. Пришлось земле и прежде не виданное увидеть. Не стало вдруг Чудо-горы в счастливой Аркадии.

Слетелись к Чудо-горе со всех четырех сторон света стоустые сестры. И у каждой сестры одно и то же имя: Молва. Все слетелись, какие ни есть. И еще, и еще летят, несутся на всех земных ветрах, и такая их тьма, что от края до края заполнили небо над счастливой Аркадией. Облакам и тем некуда выбежать. Куда ни взглянешь – кругом Молва, да Молва, да Молва... Налетели, заторопились, заговорили все разом, замахали все разом крыльями, задули всеми ветрами, накинулись на Чудо-гору, подняли ее – и унесли под такую тысячеголосицу за край земли, туда, куда Борей-Ветер стужи не занесет: в дальнюю Гиперборею, за сад Гесперид.

Так не стало в счастливой Аркадии ни Чудо-горы, ни Плейоны, сходящей с неба, ни титана Атланта. А на том месте, где возвышалась Чудо-гора, остался меж горными хребтами пустой котел, и в нем варились туманы.

Не дошла весть об исчезновении Чудо-горы до Атланта. Не знал он, что уже нет в Аркадии Чудо-горы. Но как-то поглядел Атлант одним глазом за океан.

И увидел он вдруг за океаном свою родную Чудо-гору, увидел – и не узнал.

Не ласкались к ней ветерки, не звенели на ней ключи и листва, не пели птицы, не рыскали звери, не шелестели травы. Безмолвно, недвижимо стояли ее голые леса, и бестравные луга, и застывшие воды. Только туманы клубились, то скрывая ее от глаз, то вновь открывая, словно она не Чудо-гора, а могила Атланта.

И вспомнил Атлант, как прорицала ему некогда Гея-Земля: «Будет могуч Атлант. Но Атлант не сильнее Ананки-Неотвратимости».

– Так вот какова ты, Ананка!

Когда Атлант жил в счастливой Аркадии, был он мудрой душой доверчиво-прост, и часто говорил ему дремуче-угрюмый Тайгет: «Берегись, Атлант, самого себя. Страшнее Сторуких тартара каждый сам себе. Слишком широко ты открыл глаза перед миром, распахнул ворота души. Вынесут из них вору твою титанову силу. Мудр ты, да прям. А кто прям, тот упрям, знать не хочет, что часто кривые пути короче прямых. Взгляни на меня: весь я в рогатках да в щелях-теснинах; прищурился, ошетинился. Подступи-ка ко мне – не порадуешься! А зато внутри у меня, в местах потаенных, пастбища вольные, ковры на лугах – нежься! А у тебя, куда ни взглянешь, всё исполины, словно на показ: и кедры, и воды, и кручи, и скалы... Ка-ак рухнут! Берегись, Атлант, своей мощи».

Склонив голову под тяжестью неба, чуть покачивается Гора-Человек и грезит в дреме. Что теперь осталось ему, титану? Думы и сны. И грезит Атлант, Гора-Человек, и думает думы. Погружает он думы на дно морское. Возносит их до звезд. И понял Атлант, что думу можно любить и что с думой никто не одинок. И, полюбив думу, полюбил он и звезды, и глубь морей. И чем глубже понимал, тем глубже любил.

Так постиг Атлант, что дума есть тоже жизнь, и такая большая, как он сам – Гора-Человек. Но нужны для дум голоса живой жизни. В мертвой жизни думы мертвеют. Станут, как камни, тяжелыми. И сам Атлант-небодержатель окаменеет.

И, озирая мертвый мир, грезил тогда Атлант о былой жизни.

Снилась ему в сумраке дней далекая Аркадия, снилась река Ладон и ее юный титан – тоже Ладон, сын древнего морского титана Форкия. Бывало, в веселое половодье, когда высоко вздымалась река и юный Ладон, выйдя по колена из вод, садился рядом с Атлантом, прислонясь спиной к склону Чудо-горы, и обнимал распахнутыми руками дубы и буки-великаны, – как смеялись тогда оба титана, Атлант и Ладон, под небом счастливой Аркадии!

Говорил Атлант Ладону: «Ты многоводен, Форкид, и, как тартар, глубок. Моешь в тартаре ноги».

И отвечал Ладон Атланту: «Так, Япетид. Я, Ладон, глубок, как тартар. Мою в тартаре ноги».

И смеялись оба титана над шуткой. Разве может быть тартар под счастливой Аркадией!

А в звездные ночи думал Атлант над черными водами океана о своих дочерях, о звездных девушках – веселых плеядах.

Любовался, бывало, ими Атлант, как они девичьей гурьбой носились по горным тропам, по краю ущелий, вперегонки с золоторогой подругой – ланью Артемиды, как перескакивали через пропасти, с вершины на вершину, со звонким призывом: «О-ё-г?о! О-ё-г?о!» Где только не бывали они! В какой дубраве, в какой чаще... От каких зверей уходили! За какими гонялись!..

Но раз погнался за плеядами истребитель зверей – великан Орион, прозванный Звездным Охотником, беспощадный красавец. Только звезды ночи равны красотой Ориону. Ему бы и гоняться за звездами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Пояснения мифологических названий и имен даны в «Мифологическом словаре» в конце книги.

2

Мифология эллинов не признает полного уничтожения, небытия. Мир разделялся на мир живой жизни и мир мертвой жизни. Отделяла один мир от другого Мировая река-океан. Чтобы достигнуть мира мертвой жизни, надо было переплыть или перелететь океан. Обычно в мире живой жизни обитают боги, титаны, принятые в пантеон олимпийцев, и смертные. Мир мертвой жизни соединен с преисподней и царством Ночи. В нем обитают тени умерших, божества айда, демоны преисподней и дети Ночи: эринии, сны, керы-беды и другие.

3

Отличительными чертами характера титанов, согласно мифологическому преданию, были правдивость и прямота (см. произведения Гесиода, Эсхила и др. др. – гр. авторов). Титаны нравственно стойки, верны данному слову, непреклонны в борьбе. Их правда нерушима. Она им прирождена. Она их братский и боевой клич, который противопоставлен в сказаниях боевому кличу Кронидов. По этому кличу титан-оборотень узнает другого титана и обязан ему открыться. Морально возвысив титанов, миф объединил ретроспективно титанов с мифологическим золотым веком, то есть с раем на земле, поставив царем золотого века вождя титанов, сына Урана (Неба), титана Крона, а царицей его жену, Рею. Титаны необычайно могучи, сверхсильны и верят бесхитростно только в эту свою прямую силу, которая тоже входит в их правду. Им чуждо коварство.

Однако титанова правда одновременно с этим – лютая правда. Титаны – существа стихийные, безудержные, неистовые. Их страсти люты. Они люто любят, люто борются – до конца – и в этой борьбе до конца страдают. Таковы Атлант, Идас, Медуза, Ехидна.

Позднее, когда титаны были превращены в чудовищ, их лютая правда была превращена в злую правду, в злобу, и сами образы титанов и их поступки были очернены: они стали внушать ужас и отвращение. Только образ зевсорца – титана Прометея благодаря Эсхилу остался в памяти эллинов и потомков титаническим в положительном смысле. Он служил выражением самых свободлюбивых и высоких требований мятежного человеческого духа. Прометей дерзнул похитить огонь с неба и не уступил деспотизму законов мира, невзирая на сверхчеловеческие страдания.

4

Мы пользуемся выражением «почва земли», означаящим именно «почва», так как «Земля» для эллинов – это божество: мать-Земля, Гея.

5

По верованиям древних эллинов, тени умерших теряют память и живут призрачной жизнью. Но, испив крови, они на мгновение оживают, и память к ним возвращается.

Купить: https://tellnovel.me/ru/golosovker_yakov/skazaniya-o-titanah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)